

М.М. Дунаев

«Палата № 6»

Итак: погоня ли за душевными переживаниями и наслаждениями, отвержение ли их — не дают человеку подлинного счастья.

Отчего так?

Оттого, что не сознаётся необходимость духовных стремлений.

Об этом — повесть «Палата № 6» (1892).

Обычно её толкуют как символическое изображение российской действительности. Это идёт от тех времён, когда повесть только появилась в печати и когда во всём умели и хотели видеть только обличение современных порядков — глаза застилало. Не кто-нибудь, а сам Н.С. Лесков утверждал, что «Палата № 6» — это Россия. Позднее такая мысль пришлась по вкусу и революционным идеологам. Но важно, что, по свидетельству того же Лескова, «Чехов сам не думал того». Но что же в таком случае думал сам Чехов? Обнаружить это несложно.

«— А вы не верите в бессмертие души? — вдруг спрашивает почтмейстер.

— Нет, уважаемый Михаил Аверьяныч, не верю и не имею основания верить».

Этот короткий диалог между основным персонажем повести, доктором Рагиным, и его собеседником есть смысловой энергетический центр всего произведения. Проходных подробностей у Чехова нет, каждая значима, тем более разговор о бессмертии.

Человек не верит в бессмертие собственной души — и это становится причиной всех ужасов и несправедливостей, какие создаёт он, ощущая бессмысленность своей жизни. Ибо жизнь вне бессмертия — не имеет никакого смысла:

«Когда мыслящий человек достигает возмужалости и приходит в зрелое сознание, то он невольно чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода. В самом деле, против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия к жизни... Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят или же говорят нелепости; он стучится — ему не отворяют, к нему приходит смерть — тоже против его воли».

Он стучится — ему не отворяют... И эта фраза не случайна, ибо кому же не известны слова Спасителя: «...стучите, и отворят вам; ибо (...) стучащему отворят» (Мф.7,7–8).

Просто для того чтобы отворили, нужно стучаться в дверь, которая может быть отворена.

«Итак опять Иисус сказал им: истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам» (Ин.10,7).

Но если стучаться в дверь, за которою ничего нет, то все старания будут тщетны.

Отсутствие бессмертия и есть пустота за дверью.

О том же ведь и Толстой тосковал, раскрывший эту свою тоску в «Исповеди». Всё бессмысленно именно если нет ничего за порогом смерти.

Доктор Рагин тоскует о бессмертии, и ощущает бессилие человека заменить идею бессмертия какою-либо иною:

«О, зачем человек не бессмертен? — думает он. — Зачем мозговые центры и извилины, зачем зрение, речь, самочувствие, гений, если всему этому суждено уйти в почву и, в конце концов, охладеть вместе с земной корой, а потом миллионы лет без смысла и без цели носиться с землёй вокруг солнца? Для того, чтобы охладеть и потом носиться, совсем не нужно извлекать из небытия человека с его высоким, почти божеским умом, и потом, словно в насмешку, превращать его в глину».

Обмен вещью! Но какая трусость утешать себя этим суррогатом бессмертия! Бессознательные процессы, происходящие в природе, ниже даже человеческой глупости, так как в глупости

есть всё-таки сознание и воля, в процессах же ровно ничего. Только трус, у которого больше страха перед смертью, чем достоинства, может утешать себя тем, что тело его будет со временем жить в траве, в камне, в жабе... Видеть своё бессмертие в обмене веществ так же странно, как пророчить блестящую будущность футляру после того, как разбилась и стала негодною дорогая скрипка».

Трудно сказать, знал ли Чехов известное энгельсовское определение жизни как способ существования белка, важнейшей особенностью которого является обмен веществ, — но бессмысленность материализма он показал с беспощадностью.

Размышления доктора Рагина напоминают отчасти пессимистическое отчаяние другого медика, Евгения Базарова. Всему высокому в человеке «суждено уйти в почву», из которой «лопух вырастет», — и весь смысл? А потом носиться вместе с охлаждённой землёй вокруг солнца... Это уже Подросток Достоевского. Достоевский же утверждал, что мужественный и последовательный атеист должен непременно уйти из жизни, как только он сознает такую бессмысленность жизни. И Толстой признавал, что только трусость мешает человеку сделать это.

Полезно ещё раз вспомнить слова Достоевского:

«Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из неё одной вытекают*. ...Любовь к человечеству даже совсем немыслима, непонятна и *совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой*. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, «любовью к человечеству», те, говорю я, поднимают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству. ...В результате ясно, что самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своём развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землёю».

А ведь о том и Чехов рассуждал: без сознания высших целей остаётся только хватить лбом об угол сундука...

Тишайший доктор Рагин до ненависти к человечеству не дошёл — но остановился на полном равнодушии к жизни и смерти. Он принадлежит к тому разряду людей, о которых в «Исповеди» писал Толстой (относя к нему в какой-то момент и себя) и которые находят выход лишь в том, «чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть её, зная вперёд, что ничего из неё выйти не может». Рагин, последовательно следуя своему безверию, доходит до пассивного безразличия к страданиям человеческим — и логически и логично оправдывает себя:

«Да и к чему мешать людям умирать, если смерть есть нормальный и законный конец каждого? Что из того, если какой,-нибудь торгаш или чиновник проживёт лишних пять, десять лет? Если же видеть цель медицины в том, что лекарства облегчают страдания, то невольно напрашивается вопрос: зачем их облегчать? Во-первых, говорят, что страдания ведут человека к совершенству, и, во-вторых, если человечество в самом деле научится облегчать свои страдания пилюлями и каплями, то оно совершенно забросит религию и философию, в которых до сих пор находило не только защиту от всяких бед, но даже счастье. Пушкин перед смертью испытывал страшные мучения, бедняжка Гейне несколько лет лежал в параличе; почему же не поболеть какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матрёне Савишне, жизнь которых бессодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амёбы, если бы не страдания?»

Логическая ошибка в этих рассуждениях всё же есть, хотя не она определяет конечный вывод: мысль о совершенствовании человека посредством страданий имеет смысл только при существовании бессмертия, и только в христианском понимании его. «...Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14,22). (В буддийском же или толстовском понимании бытия страдания вовсе нежелательны. Тем более

бессмысленно оправдывать страдания нравственными причинами при неверии в бессмертие.) Рагин смешивает понятия разных уровней. Сожаления же о религии носят в его раздумьях чисто прагматический характер.

Важно и вот что заметить: сам Чехов вовсе не обладал тем равнодушием к чужим страданиям, которое исповедует и осуществляет на практике его персонаж. Следовательно: безверие, если и коснулось его, не нашло в его душе питательной основы. В «Палате № 6» писатель убедительно раскрыл губительность для жизни вообще идей безверия и пессимизма. О том и повесть.

Не видя в жизни никакого смысла, доктор начинает видеть в ней лишь набор бессмысленных случайностей — и это неизбежно: последовательное противоположное миропонимание может основываться лишь на вере в Промысл.

«Всё зависит от случая, — рассуждает Рагин в беседе с Громовым. — Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и всё. В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность».

Следствие, и неизбежное: всё это снимает с человека какую-либо ответственность за совершённое им, делает его самого рабом обстоятельств:

«Я служу вредному делу и получаю жалование от людей, которых я обманываю; я не честен. Но ведь сам по себе я ничто, я только частица необходимого социального зла: все уездные чиновники вредны и даром получают жалование... Значит, в своей нечестности виноват не я, а время... Родись я двумястами лет позже, я был бы другим».

Все эти рассуждения о полной зависимости человека от внешних обстоятельств, о «заедающей среде» и пр. к тому времени были давно известны, пережёваны много раз, истрёпаны языками и опошлены — но не вышли оттого, как видим, из употребления.

Оценку всей этой философии даёт Громов, точно и безжалостно:

«Удобная философия: и делать нечего, и совесть чиста, и мудрецом себя чувствуешь...»

Громов же хорошо усмотрел, и болезненно для души сознал, страшное для человека следствие всей этой системы равнодушия:

«Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально; с этой стороны они ничем не отличаются от мужика, который на задворках режет баранов и телят и не замечает крови. При формальном же, бездушном отношении к личности, для того, чтобы невинного человека лишиться всех прав состояния и присудить к каторге, судье нужно только одно: время».

И российские порядки здесь не при чём. Чехов наблюдает общий закон развития человечества в бездуховном обществе. Просто русский человек острее ощущает это, поскольку Православие воспитало в нём потребность в духовных переживаниях. Поэтому там, где он замечает, как они оказываются по какой-либо причине задавленными, русский человек острее переживает это и сильнее страдает. «Палата № 6» — символ не России, но мира, состоящего из уединившихся в себе людей. Предельная отчуждённость от мира —

«оплывший жиром, почти круглый мужик с тупым, совершенно бессмысленным лицом. Это — неподвижное, обжорливое и нечистоплотное животное, давно уже потерявшее способность мыслить и чувствовать. От него постоянно идёт острый, удушливый смрад.

Никита, убирающий за ним, бьёт его страшно, со всего размаха, на щадя своих кулаков; и страшно тут не то, что его бьют, — к этому можно привыкнуть, — а то, что это отупевшее животное не отвечает на побои ни звуком, ни движением, ни выражением глаз, а только слегка покачивается, как тяжёлая бочка».

Весь подобный ужас проистекает от проникновения в умы идеи полной жизненной бессмыслицы, и это наполняет мир неправдою и несправедливостью. Устранение палаты № 6 ничего не изменит в таком мире. Прав доктор Рагин:

«Тюрем и сумасшедших домов не будет, и правда, как вы изволили выразиться, восторжествует, но ведь сущность вещей не изменится, законы природы останутся всё те же. Люди будут болеть, стариться и умирать так же, как и теперь. Какая бы великолепная заря ни освещала вашу жизнь, всё же в конце концов вас заколотят в фоб и бросят в яму».

Чехов точно указывает на причину таких настроений, потому что сразу за этим рассуждением следует реплика Громова, как бы приводящего опровергающий аргумент: «А бессмертие?» — «Э, полноте!» — только и может отреагировать Рагин.

Громов, оппонент скептика-доктора, ощущает: в идее бессмертия вся суть. Он же видит необходимость полноты душевной жизни, что определяется для него именно верою в Бога:

«Я знаю только, — сказал он, вставая и сердито глядя на доктора, — я знаю, что Бог создал меня из тёплой крови и нервов, да-с! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздражение. И я реагирую! На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость — негодованием, на мерзость — отвращением. По-моему, это собственно и называется жизнью. Чем ниже организм, тем он менее чувствителен и тем слабее отвечает на раздражение, и чем выше, тем он восприимчивее и энергичнее реагирует на действительность. Как не знать этого? Доктор, а не знает таких пустяков! Чтобы презирать страдание, быть всегда довольным и ничему не удивляться, нужно дойти вот до такого состояния, — и Иван Дмитрич указал на толстого, заплывшего жиром мужика, — или же закалить себя страданиями до такой степени, чтобы потерять всякую чувствительность к ним, то есть, другими словами, перестать жить».

Такая полнота душевных переживаний возможна лишь при условии духовного начала в человеке, духовных потребностей и стремлений. Рагин же замкнулся на уровне рассудочных построений, рассуждений, которые всё более тускнеют у него по мере роста равнодушия к жизни. Рагин логичен в своих доказательствах необходимости презрения к страданиям. Он утверждает высшую радость от способности мыслить, наслаждение от интеллектуального общения. Но жизнь легко опрокидывает все его построения, как только он сам оказывается в той же палате пациентом, а не доктором. «Был я равнодушен, бодро и здраво рассуждал, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мне, как я пал духом...» — признаётся он тому же Громову, когда их положение сравнялось. «Суша, мой друг, теория везде...» — поучал когда-то бес доктора Фауста. Доктор Рагин в том убеждается вполне.

Рагин, в силу своей бездуховности, становится одним из виновников существования ужасов палаты № 6, и несправедливости судебной системы, и всеобщей замкнутости. Чехов как бы выхватывает его из общей массы виноватых в том, показывает не самого худшего из них, напротив, доброго и мягкого человека, но оттого не менее виновного. Писатель опровергает ходячую пошлую истину: был бы человек хороший. И от хороших людей идёт в мир зло, если они служат бездуховным идеям. Жизнь таких людей включена в порочный круг: становясь причиной несправедливостей и страданий, они же легко превращаются в их жертву, как доктор Рагин, с безразличием — *теплохладно* — терпевший существование палаты № 6 и затем ставший её обитателем.

И писатель, который так откровенно высветил это, — объявлен равнодушным к духовным проблемам?